

Э. Грейс (Казакевич)

О КОНКУБИНАТЕ В АФИНАХ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

ВОПРОС о правовом положении женщин, обозначавшихся термином *παλλαχὴ* «наложница»¹, неотделим по существу от целого ряда других вопросов, прежде всего от вопроса о социальном положении вообще женщин, живших за счет привязанных к ним граждан, но не имевших признанных связей с гражданской семьей. С точки зрения истории рабства этот круг вопросов можно свести к проблеме о степени и характере воздействия рабовладельческих институтов на положение таких женщин. В рамках статьи приходится ограничиться рассмотрением только одной части этой проблемы. Если выделена для отдельной трактовки ее, пожалуй, наиболее трудно освещаемая часть, то это потому, что прежде чем рассмотреть гораздо более обильно документированную в источниках категорию *ἐπαῖραι*, нужно выяснить вопрос, были ли гетеры и *παλλαχαί* лишь разновидностями одного и того же социального явления, или же конкубинат [*παλλαχία*] представлял собой, исторически и как институт Афин классического периода, совсем особое явление.

Ввиду личного характера зависимости такой женщины от содержавшего ее мужчины вопрос о положении *παλλαχὴ* переkreщивается иногда с проблемой, то и дело поднимающейся перед историком рабства, об определении юридического статуса того или иного лица, упомянутого в источниках без применения каких-нибудь из обычно определявших статус терминов. Начнем с рассмотрения именно такого случая.

Женщина, про которую выступавший с речью «Против Эверга и Мнесибула» (Dem. XLVII) сказал, что она отворила ему дверь дома Теофема и была свидетельницей драки между ним и Теофемом, нигде не обозначается рабским термином, но всегда называется просто *ἡ ἄνθρωπος* «женщина». Это обстоятельство еще больше привлекает внимание благодаря тому, что аргументация важности ее свидетельского показания для решения вопроса о том, кто нанес удар первым, занимает более четверти этой большой речи. Случай этот, по-моему, единственный в своем роде: обозначение рабов словом *ἄνθρωπος* достаточно часто встречается в наших источниках, однако в чередовании с тем или иным рабским термином (см., например, Dem., XLVIII, 14 слл.; Xen., Vect. IV). Тем не менее, насколько мне известно, рабский статус «женщины» в Dem., XLVII до сих пор ни у ко-

¹ Я понимаю, что русское слово «наложница» — как и английское concubine и, наверное, аналогичные слова других современных языков — из-за его особых, неантичных исторических ассоциаций неадекватно передает греческое *παλλαχὴ*. Тем не менее я употребляю его главным образом потому, что другой предложенный мне вариант, «внебрачная сожительница», как мне кажется, недостаточно четко отличает институт *παλλαχία* от простого, часто временного сожительства гетеры с любовником.

го не вызывал сомнений, начиная с Либания (см. § 3 его *argumentum* к этой речи). Действительно, для этого мнения имеются веские основания, в то время как против него вообще нет ничего существенного (если наличие того или иного рабского термина указывает на рабский статус, то отсутствие термина не может, конечно, доказать обратное), и только несколько выражений наводят на мысль о возможности иного толкования: что эта женщина наложница, *παλλακή*, которая, может быть, никогда не была (*δούλη*). Можно заранее сказать, что в самой этой речи нет оснований, прямо подтверждающих такую гипотезу. Только в других источниках мы найдем достаточно веские указания на возможность того, что там, где речь идет о женщинах (в том числе и в этом случае), за видимостью рабского положения может скрываться нечто иное.

Основания для предположения о том, что эта женщина была рабыней Теофема, следующие. Когда Теофем не захотел отдать корабельное снаряжение, которое выступающему было поручено отобрать, последний приготовился к «аресту» чего-нибудь из имущества Теофема взамен корабельного снаряжения. Заметив женщину, которая снова стояла у дверей, он попытался увести ее, когда же Теофем стал отнимать у него эту женщину, он ее отпустил и вошел, было, в дом, чтобы взять взамен снаряжения что-нибудь другое (*ἐνέχυρον*, «залог») ². Тогда-то и началась драка (§ 37 сл.). Это первое и, может быть, самое определенное указание на то, что эта женщина — рабыня: она была (или, по крайней мере, выступающий считал ее) частью имущества Теофема.

Вторым указанием является спор о том, которая из двух сторон в последующей тяжбе потребовала, а которая отклонила требование подвергнуть эту женщину допросу под пыткой, чтобы установить, кто первым нанес удар при драке, возникшей на пороге дома Теофема (§ 5—17, 35, 39 сл., 46 сл., 51, 78 сл.). В частной тяжбе извлечение «правды», при помощи пытки (*βάσανος*) применялось, как правило, только к рабам (см. особенно *locus communis* в *Isae.*, VIII, 12 и *Dem.*, XXX, 37), и ничего не значит, что при данном споре — как и при большинстве споров, дошедших до суда, — эта женщина на самом деле не была подвергнута пытке. Тот очевидный факт, что ни одна из сторон не сомневалась в том, что она могла быть подвергнута пытке, подкрепляет предположение о том, что обе стороны рассматривали ее как рабыню.

Когда к какому-нибудь человеку относятся как к имуществу и когда свидетельское показание этого же человека предлагается в частной тяжбе в форме *βάσανος*, трудно уклониться от заключения о том, что этот человек раб. Мы уже видели, что и Теофем и его судебный противник были склонны рассматривать статус этой женщины в таком свете. Тем не менее именно здесь, где имеются эти два первоклассных доказательства ее рабского статуса, таятся вызывающие сомнение слово и фраза.

Действие выступающего при попытке увести женщину выражено глаголом *ἄγω*, а действие Теофема при оказании сопротивления этой попытке — глаголом *ἀφαιρέομαι* (§ 37 сл.). Эти два слова постоянно употребляются в юридических формулах при описании действий той и другой стороны в случае, когда статус третьего лица оспаривается: одна сторона «уводит» оспариваемое лицо «в рабство» (*εἰς δουλείαν*), т. е. утверждает, что оспариваемое лицо является рабом; другая сторона «отнимает» оспариваемое лицо,

² Ср. *L u s.*, frg. I Th.: когда Эхин (софист) оказался не в состоянии уплатить какой-то долг ни по процентам, ни по основному капиталу, один из его рабов был захвачен в качестве гарантии — *ἡνεχυράσθη οὐκείτης αὐτοῦ* (в пересказе речи у *Athen.*, XIII, 612 с.). Ср. *Dem.*, XXIV, 197; LIII, 20 (ad fin.). В § 42 нашей речи на действие Теофема по отношению к «женщине» ссылаются такой фразой: *τὰ ἐνέχυρα ἀφείλετο* «он залог отнял».

чтобы вернуть его «на свободу» (εἰς ἐλευθερίαν), т. е. утверждает, что оспариваемое лицо является не рабом, а свободным человеком. Употребление двух этих слов в данном отрывке поэтому останавливает внимание читателя: может быть, все же и возникал вопрос о статусе этой женщины? Однако, во-первых, глаголы эти достаточно распространены в своем более широком значении, во-вторых, действие Теофема описано как «перехват» им того, что пытался захватить выступающий (με ἀφῆρειτο — § 38), подобно тому как кто-нибудь перехватил бы чашу, которую другой хотел взять. Таким образом, появление этих двух глаголов вместе можно объяснить естественным совпадением, которое вовсе не связано с вопросом о «статусе» отнимаемого предмета.

Второе сомнение относительно рабского статуса женщины вызывает то обстоятельство, что Теофем нигде не назван ее δεσπότης, хотя в доводах выступающего относительно допроса ее посредством басаноса имеется одно место, в котором было бы естественно применение этого термина. Вместо него мы находим слово κέρως:

«А на самом деле они засвидетельствовали, что это ты, Теофем, хотел передать женщину, а я возражал³. Как в таком случае может быть, что ты, будучи κέρως этой женщины и собираясь (согласно показаниям твоих свидетелей) сделать этот вызов, т. е. воспользоваться ею для того, чтобы установить свою правоту (ведь у тебя не было никакого другого свидетеля...), — как может быть в таком случае, что ты не привел ее с собой к третьей судье и не передал ее тут же лично, будучи все же ее κέρως» (Dem., XLVII, 14 сл.).

В целом слово κέρως обозначало такого же рода абсолютную в определенных пределах власть, которая обозначалась в латинском языке словом *imperium*. Его значение приобретает разные оттенки в зависимости от того, применено ли это слово к вещам (например, к законам, контрактам) или лицам, а если к лицам, то в зависимости от того, осуществляется ли власть или контроль данного лица над вещами (имущество, территория) или над другими лицами, или же она предоставляет какое-то полномочие в действиях. Когда власть того, кто назван κέρως, осуществляется над отдельными лицами, которые сами не обладают полностью правом «юридической личности» (женщины или дети), этот термин обычно переводится «опекун» или «представитель в юридических делах» (по-английски *legal representative*), хотя лицо, названное в таком случае κέρως, на самом деле не «представляет» другое лицо; скорее другое лицо не обладает какими-то правами над собой, а вместо него обладает ими κέρως. В этом последнем значении, а также и когда оно указывает на полную и исключительную власть над вещами, например над имуществом, слово κέρως могло быть равным образом применено к положению господина в отношении к его рабу. В этой же XLVII речи Демосфеновского корпуса оно употреблено по отношению к главе дома почти в смысле «владелец»: «... в дом он не вошел, потому что считал это непозволительным в отсутствие κέρως» (§ 60; δεσπότης встречается в том же смысле, например, в Pl., Leg., 954b). В Dem., LVI, 24 κέρως названы владельцы части корабельного груза, которые как владельцы груза могут решать вопрос о порте назначения.

В политических речах Демосфена мы часто встречаем слово κέρως в приложении к Филиппу Македонскому как полновластному господину своей страны и городов, «купленных» или завоеванных им. Например, Демосфен (XVIII, 235 сл.), с горечью перечисляя примущества полновласт-

³ Глаголы, употребленные здесь, входят в стандартную формулировку басаноса, в которой главное слово, обозначение самого испытания под пыткой часто опускается. См. E. G r a c e, «Word» and «Deed» in the Athenian Dikasterion, «Античное общество». М., 1967, стр. 101 сл.

власть, которой обладал рабовладелец по отношению к своему рабу. Всякий *δεσπότης* был всегда *κύριος* своего раба, но не всякий *κύριος* был обязательно *δεσπότης*. Следовательно, слово *κύριος*, примененное к власти Теофема над женщиной в Dem., XLVII, 14 сл., полностью соответствует рабскому статусу подвластного лица, вовсе, однако, его не доказывая. Оно соответствует такому статусу подвластного лица и как простой эквивалент слова *δεσπότης*, и как указание на такого рода власть, которой обладает *δεσπότης* над рабом, или Филипп над подчиненными ему городами, или же муж над приданным своей жены. В случае с Теофемом оратор мог выбрать это слово вместо *δεσπότης* с целью подчеркнуть исключительную и безоговорочную власть Теофема в том именно смысле, что всецело зависело от него, предоставить женщину для допроса под пыткой или нет, тогда как выступающий, не имея такой власти над ней, мог подвергнуть ее допросу только с согласия ее *κύριος*. Это, пожалуй, и есть тот оттенок, который в данном отрывке оратор хотел придать слову *κύριος*; но заметим, он мог бы передать то же самое и еще кое-что словом *δεσπότης*.

В общем итоге можно сказать, что само по себе слово *κύριος* в этом отрывке не говорит определенно ни за, ни против общепринятого мнения, что эта женщина была рабыней. За это или, во всяком случае, за то, что Теофем и его противник на суде оба рассматривали ее как рабыню, говорит, и очень убедительно, оспариваемое между ними первенство в желании допрашивать ее под пыткой. Тем не менее я считаю теоретически возможным, что она вошла в дом Теофема не как рабыня, что прежний ее свободный статус, давно потеряв свое значение, мог бы быть уже полузабыт домашними и постороннему незаметен вовсе.

В «Осах» Аристофана старик Филоклеон появляется на сцене с дарданской флейтисткой, которую он похитил на пирушке. «Будь теперь добра ко мне, поросеночек, — говорит он ей, — а когда сын мой умрет, я выкуплю тебя и ты будешь моей наложницей» — *λυόμενος ἐξω (σε) παλλακίην* (Vesp. 1351—1353). Ясно, что эта девушка — рабыня, из тех, которых принимали для развлечений на пирах и попойках (см., например, Pl., Protag. 347 cd; Huperid., pro Euxenipp. 3; Arist., Ath. pol. L, 2). Несмотря на комичную перестановку обычных ролей отца и сына (см. также стихи 1354 слл.), стих, который наиболее интересует нас в этом месте (1353), представляет, вероятно, обычную ассоциацию понятий. «Ты будешь у меня, выкупившего тебя, моей наложницей», — говорит Филоклеон, предлагая, как кажется, в синтаксически тесно связанной последовательности двойное вознаграждение за ожидаемую любезность. Если эта перспектива с обеими ее стадиями не обещала в представлении флейтистки улучшения ее участи, то Филоклеон, помогаясь ее, несомненно, шел неправильным путем, и я не думаю, что поэт хотел подшутить и над этим.

Едва ли будет ошибкой предположить, что такая последовательность, как рабство, выкуп и конкубинат, представленная полностью в данном отрывке, нередко встречалась в самой жизни. Что касается рабства и выкупа, то эта последовательность имеет явную внутреннюю закономерность там, где предметом страсти свободного является собственность другого. В случае с Филоклеоном эта закономерность давала флейтистке, несмотря на то, что она была рабыней, определенно выигрышное положение, поэтому вывод о том, что и перспектива конкубината могла представляться благом для подобной женщины, не лишен основания. И рабовладелец в таких случаях, естественно, не упустит возможности использовать особую заинтересованность покупателя ради денежной выгоды (ср. Huperid., с. Athenog. 4, 24, 27).

Выкуп третьим лицом как форма освобождения от рабства имел очевидное преимущество перед той формой манумисии, где освобождаемому при-

ходилось самому найти деньги для этого, как это пришлось сделать Неере (Dem., LIX, 30—32). Но Неера еще до этого была из μεγαλόμισθοι гетер; для рабыни же, стоявшей на более низкой ступени этой профессии, быть выкупленной любовником, вероятно, представляло единственную реальную надежду достичь свободного статуса, и приемлемость конкубината после выкупа должна была зависеть от таких же практических соображений. Но здесь в связи с самым способом освобождения от рабства, как с его экономическим характером, так и с его обусловленностью чисто личным отношением к женщине со стороны ее благодетеля, поднимается вопрос о возможных правовых последствиях такого рода сделки: приобретал ли выкупивший какие-нибудь права на личность женщины, выкупленной им «на свободу»? Этот вопрос выходит за пределы частной проблемы конкубината и даже за пределы той особой формы освобождения, переданной глаголом *λύειν*, которой мы сейчас заняты. Как показывает история жизненного пути той же Нееры (это дело будет разобрано в другой работе), могло случиться так, что человек, который только лишь принимал участие в финансировании манумиссии гетеры-рабыни, впоследствии предъявлял перед афинским магистратом права собственности на нее.

Связи с гетерами — гетерами в самом широком значении этого слова, охватывающем всех, от уличных проституток до дорогостоящих красавиц, именами которых вместе с именами их наиболее выдающихся поклонников так пестрит тринадцатая книга Афиней — рассматривались как более или менее нормальное поведение для молодого человека, располагавшего деньгами. Вывод о том, что выкуп даже самых простых из них обходился, должно быть, дорого, можно сделать из упомянутых выше закономерностей положения, а также из парадокса Филоклеона (он должен ждать смерти сына и вступления в наследство, прежде чем сможет выкупить флейтистку) и из сообщений ряда более поздних источников. Комедиограф IV в. Антифан, например, в числе различных путей расточения наследства упоминает о выкупе проституток, к чему молодежь особенно склонна (frg. 239 K). В середине этого столетия судебный противник Аполлодора, сына Пасиона, пытается очернить его репутацию, указывая на его демонстративную расточительность: Аполлодор, говорит его обвинитель, расхаживает по городу в тонком шерстяном плаще со свитой из трех рабов-сопроводителей; одну гетеру он выкупил, для другой нашел мужа, сам при этом имея жену! — τὴν μὲν λέλυται, τὴν δ' ἐκδέδωκεν ἑταίραν, καὶ ταῦτα γυναικ' ἔχων ποιεῖς. В тексте речи (Dem., XXXVI, 45) сначала упомянут плащ, потом гетеры и на последнем месте рабы-сопроводители (ср. Dem., XXI, 158; Xen., Mem. I, 7, 2), так что все это производит впечатление неприличного, бросающегося в глаза выставления напоказ богатства. Указание на то, что Аполлодор женат, было, я думаю, сделано скорее для того, чтобы усилить впечатление расточительности, чем для того, чтобы выразить упрек в распутстве. На самом деле суд, вероятно, счел бы это еще более предосудительным, если бы у Аполлодора не было жены. Жена была необходима для непрерывности ойкиоса, в чем были заинтересованы не только отдельные граждане, но и весь гражданский коллектив, т. е. полис, как это становится ясно каждому при знакомстве со спорами о наследстве в речах Исея и Демосфена (XLIII, XLIV). В другом процессе, происходившем лет через двадцать, истец, дав свое освещение фактам дела, переходит в заключение своей речи к умалению психической и нравственной устойчивости своего противника, порицая его за неприличную расточительность и вместе с тем за пренебрежение к выполнению общественного долга: «Мне тяжело и стыдно того, что я должен говорить вам, судьи, однако я вынужден сообщить это... Мой противник, Олимпиодор, ... никогда не брал в жены женщину гражданского происхождения согласно вашим законам, нет у него детей и не было, но

он выкупил гетеру и держит ее у себя в доме, это и она испортила всем нам жизнь и лишила его последнего рассудка (... *ἑταίραν δὲ λυτῶμενος ἔνδον ἔχει*...); и немного дальше он указывает на scandalную роскошь, в которой совершенно неприкрыто содержалась гетера (Dem., XLVIII, 52 сл., 55). В заключение можно упомянуть о таких же расточительных тратах, приписываемых оратору Гипериду, который, как говорят, содержал одну гетеру в своем отцовском доме в Афинах (выгнав сначала из него своего сына Главкиппа), другую — в Пирее и третью, фивянку, которую он выкупил за 20 мин, — в своем имении в Элевсине (Athen., XIII, 590cd — *ὠνησάμενος ... εἴχευ ἐλευθερώσας*; Plut., Moral. 849d — *λυτρώσάμενος*). Это сведения сомнительного качества, так как их сообщают два живших в эпоху Империи авторы, известные собиратели сплетен, которые передают россказни такого же собирателя сплетен Идоменея, жившего в начале III в. до н. э. Но нас здесь интересует не достоверность фактов, а типичность их.

Двойное обвинение в расточительности в отношении гетер направлено против Аполлодора выступающим в Dem., XXXVI: он не только разбрасывался деньгами на выкуп гетеры; он выдал другую гетеру, неизвестно, действительно ли или мнимо гражданского происхождения, замуж, устроив ей законный брак с приданым (так можно считать, потому что в таком контексте все это обычно ассоциируется с глаголом *ἐκδίδομι*). Оратор ничего не говорит о последующей судьбе выкупленной Аполлодором гетеры — лаконизм показательный, так как, выделяя практику выкупа гетер как, так сказать, особый вид поведения, он показывает, что это распространенное явление (ср. фрагмент Антифана, приведенный выше, — frg. 239K), хорошо знакомое слушателям. О гетере Олимпиодора сообщается несколько больше, а именно, что, выкупив ее, он «держит ее у себя дома» — *ἔνδον ἔχει*, т. е. она в какой-то мере введена в домашнюю жизнь, что является признаком наложницы (см. Dem., LIX, 118). Однако оратор не называет ее *παλλαγή*, а только гетерой и, косвенно, *πόρνη* (Dem., XLVIII, 53, 55, 56). Оба последних слова являются «профессиональными» терминами, но есть свидетельства, кроме речи против Олимпиодора, о том, что связь с гетерой могла выражаться в более или менее продолжительном сожительстве⁵. Более того, Dem., XXXVI, 45 показывает, что сама по себе эта профессия не была препятствием к достижению вполне законного брака, хотя Олимпиодор держал у себя дома свою выкупленную гетеру явно не на такой основе. Дает ли это нам основание определять ее «точнее», по словам известного английского издателя Исея У. Уайза, как гетеру, «превратившуюся на какое-то время в *παλλαγή*»?⁶ Является ли введение ее после выкупа в домашнюю жизнь исполнением именно такого обещания, которое Филоклеон давал флейтистке в «Осах» Аристофана?

Мнение о том, что только непродолжительность связи с одним человеком отличала *ἑταίρα* от *παλλαγή*, давно бытует в науке и не так давно оно было выдвинуто опять со всей неуступчивой последовательностью немецким ученым Г. Ю. Вольфом. В исследовании о брачных отношениях, законных (т. е. посредством *ἐγγύη* и *ἐκδοσις*) и «свободных», в Афинах клас-

⁵ Однако выражение *ἐξ ἑταίρας* «рожденный(ая) от гетеры», часто встречающееся в Isae., III, в противопоставлении к *ἐξ ἐγγυητικῆς* не обязательно указывает на тот моногамный, постоянный характер, который данной связи приписывает, по-видимому, Вольф — см. H. J. Wolff, Marriage Law and Family Organisation in Ancient Athens, «Traditio», II, 1944, например, стр. 68, 70 (эта работа вышла в немецком переводе без существенных изменений и с указанием старой пагинации на полях в кн.: H. J. Wolff, Beiträge zur Rechtsgeschichte Altgriechenlands und des hellenistisch-römischen Ägypten, Weimar, 1961, стр. 155—242).

⁶ W. W y s e, The Speeches of Isaeus, Cambr., 1904, стр. 318; ср. J. W. J o n e s, The Law and Legal Theory of the Greeks, Oxf., 1956 (далее — LLT).

сического времени Вольф пишет: «Если *ἑταίρα* решала сожительствовать постоянно с одним человеком, она становилась *παλλαχί*, но она, конечно, не переставала быть *ἑταίρα*». В качестве примеров он приводит: Dem., LIX, 118, где, согласно Вольфу, оратор, говоря об отношениях между Неерой и Стефаном, называет Нееру «одновременно (in the same breath) и *ἑταίρα* и *παλλαχί*»; Athen., XIII, 592d, где Афиней (1) пересказывает сообщение эллинистического историка Гермиппа о том, что Исократ в старости «взял гетеру Лагиску в свой дом» и имел дочь от нее (ср. Plut., Moral. 839b), и (2) приводит три строки из Стратгида, комедиографа IV в., в которых Лагиска названа *παλλαχί* Исократа⁷; и Isae., III, в которой оратор, *passim* как говорит Вольф, «противопоставляет замужнюю женщину гетере, но в § 39... по отношению к последней категории» он пользуется термином *παλλαχί*.

На самом деле, ни один из этих примеров не показывает того, что хочет показать Вольф. В первом случае (Dem., LIX, 118), оратор, Аполлотор, предвосхищает доводы, которые могут быть выдвинуты его противниками при защите Нееры, которую он обвиняет в нарушении закона, запрещавшего брак между *ἑτήνη* и *ἄστυς* (см. § 13, 16 сл.). Во-первых, он указывает на то, что они не могут доказать ее гражданского происхождения и законности брака со Стефаном, так как свидетели показали, что она гетера и была рабыней; не могут они доказать и того, что Стефан содержит ее как свою *παλλαχί*, так как он ввел ее сыновей во фратрию и выдал ее дочь замуж за афинянина, тем самым со всей ясностью показав, что он содержал Нееру как жену. Это едва ли означает, что ее называют «одновременно» и гетерой, и *παλλαχί*. Если бы Вольф сравнил § 118 с § 119, его довод имел бы больше веса. В § 119 Аполлотор представляет Стефана как бы отвечающим на его возражение относительно детей: «Видите ли (он скажет), Неера у меня не жена, а гетера, и дети эти не от нее, а от бывшей моей законной жены». Есть известный параллелизм между предложенными для Нееры положениями в этих двух аргументах. Однако во втором случае термин изменен (Неера названа *ἑταίρα* вместо *παλλαχί*), я думаю, неслучайно: довод о детях казался бы менее убедительным при предположении о двадцатилетнем сожительстве с Неерой на основе брачного типа союза, что представлял собой конкубинат.

Отрывок из Афиней сразу же отпадает, так как первый термин, *ἑταίρα*, употреблен писателем позднеримского периода при пересказе эллинистического писателя, тогда как второй, *παλλαχί*, находится в отрывке, прямо приведенном из комедии IV в.⁸ Наконец, в Isae., III, 39 ничто не говорит о том, что *παλλακαί*, упомянутые здесь совсем мимоходом, имеют что-нибудь общее как тип с категорией женщин, к которым относится, по утверждению выступающего, мать Филы, т. е. с гетерами. На то, что *παλλαχί* — это, так сказать, оседлая гетера, нет даже намека в этом отрывке, который говорит скорее об обратном, о подобном браку характере *παλλαχία* в противополож-

⁷ Wolff, Marriage Law, стр. 74, прим. 148. В сноске, воспроизводящей частично отрывок из Афиней, Вольф, надо полагать, по недоразумению, не упомянул имени Стратгида, так что получается, как будто один и тот же античный писатель применил одновременно оба термина к Лагиске, что, очевидно, в значительной степени повысило бы ценность терминологических указаний этого отрывка (см. Beiträge, стр. 205 сл. и прим. 140).

⁸ Хотя смесь различных периодов не позволяет нам пользоваться этим местом у Афиней как удовлетворительным свидетельством об употреблении терминов в IV в. до н. э., не было бы ничего удивительного в том, что о Лагиске, несмотря на то, что она стала *παλλαχί* Исократ (если, конечно, это та самая знаменитая Лагиска), ее современники главным образом вспоминали и говорили как о знаменитой гетере. Но это не значит, что она в действительности не «перестала быть *ἑταίρα*» после того, как стала *παλλαχί* Исократ.

ность той фривольной связи, которая существовала по утверждению выступающего, между Пирром и матерью Филы.

Употребление терминов *ἑταίρα* и *πόρνη* (второй, по-видимому, является более грубым вариантом первого), с одной стороны, и *παλλαγή*, с другой, обнаруживает разницу не только в учреждениях, ими обозначавшихся, но и в отношении говорящего к обозначаемой личности. Слово *παλλαγή*, как будто указывая на определенно сложившийся тип семейного института, лишено эмоциональной окраски, слово же *ἑταίρα* часто имеет оттенок однозности, от него вовсе не веет таким институтом — об этом красноречиво говорит, например, другой отрывок из той же III речи Исея (§ 13 сл.). Поэтому всегда возможна неточность в применении второго термина, использование его в клеветнических целях, чего не замечается в употреблении слова *παλλαγή*. О гетере, которая устраивается жить с одним из своих любовников, или даже о такой, которой удалось укрепить свое положение брачным соглашением (*ἑγγύη*), еще могут говорить как о гетере, хотя такое название, в строго профессиональном его значении, больше не соответствует ее образу жизни. Называли ли ее так или нет, должно было, думаю, зависеть от ее поведения, от степени ее прошлой славы и более всего от злобы врагов, ее или ее сожителя. Об этом свидетельствуют случаи с матерью Филы в III речи Исея, случай с гетерой Олимпиодора в XLVIII речи Демосфена и знаменитая история Нееры (Dem., LIX). Но если бы гетера была введена в хозяйство как *παλλαγή* — добровольно ли, как в случае с флейтисткой Филоклеона, или в силу обстоятельств, — то впредь о ней в общем, я думаю, говорили бы мало. Кроме того, что она, безусловно, теперь перестала быть гетерой, она также перестала быть предметом зависти и поводом для клеветнических выпадов. К этому выводу приводит не тот или иной случай в источниках, но, прежде всего, как раз отсутствие случаев, когда о *παλλαγή*, как таковой, отзывались бы в скандальном тоне, да и вообще то, что в источниках очень мало сведений о *παλλαγία*.

Из источников ясно, что гетеры могли стать *παλλαγαί*, ясно и то, что гетеры могли пойти на содержание и более или менее постоянное сожительство с одним любовником. Но я не вижу основания для предположения Вольфа о том, что всякая гетера, которая стала жить с одним человеком, тем самым стала *παλλαγή*, тем более что при этом она продолжала быть гетерой. Вольф, подводя под одну рубрику конкубината все союзы брачного типа между свободными, не оформленные путем *ἑγγύη*, постулирует для женщины свободу выбора как при решении вступить в такой союз, так и при решении выйти из него, а для мужчины, как главы дома, лишь «некий контроль» (a sort of control) над ней и ее имуществом⁹. Но если судить по тому немногому, что мы знаем о *παλλαγία*, то несмотря на то, что женщина могла вступить в нее добровольно, воля ее при этом типе сожительства была далеко не свободной и отчасти именно в этом отношении его нужно от-

⁹ Wolff, Marriage Law, стр. 70. О юридическом статусе вступивших в такой союз Вольф говорит не совсем ясно (см. также стр. 69), но, по-видимому, он имеет в виду гражданина и, во всяком случае, свободную женщину. В немецком варианте (Beiträge, стр. 199) высказывание Вольфа о контроле сожителя над сожительницей выражено более определенно: die tatsächliche Macht. Ссылаясь на Dem., LIX, 124 (предъявленное Аполлодором Стефану требование допросить под пыткой рабынь Нееры), Вольф далее предполагает, что этот «некий контроль» (или же «фактическая власть») сожителя признавался в какой-то мере и юридически, так как «с требованием о том, чтобы передать ее рабов для допроса, надо было обращаться к нему». Однако в то время, когда этот вызов на басанос был предоставлен Стефану, характер союза между ним и Неерой находился еще sub iudice. При опубликовании перевода этой работы на немецком языке Вольф дал ссылку на свою же статью 1952 г. об «Основах греческого брачного права», с которой, к сожалению, я не имела возможности ознакомиться (см. Beiträge, стр. 155, прим. *).

личать от более или менее продолжительного сожителства гетеры с одним человеком.

Для того чтобы выявить характер и особенно юридическое основание контроля, которым пользовался мужчина над своей сожительницей-*παλλακή*, в нашем распоряжении мало ясных сведений, относящихся к классическому периоду. Сохранившийся отрывок из закона Драконта об убийстве, который будет рассмотрен ниже, позволяет заключить, что в архаической Аттике этот тип сожителства был признан законом и находился под его защитой, очевидно, потому, что тогда он считался разновидностью брачного союза, потомство от которого пользовалось известными правами в гражданской общине. Ясно, что с конкубинатом классического периода дело обстоит уже не так. Тем не менее, судя по всему, что говорится и не говорится о *παλλακή* в этот период, у меня такое впечатление, что она имела в доме своего сожителя определенное место, исторически связанное с прежним более почетным назначением конкубината, но что власть хозяина дома над ней, как и над всеми остальными в доме, кто не был связан никакими узами с внешним миром, была, в отличие от власти над женой, фактически ничем не ограничена. О том, что эта власть имела какое-то юридическое основание, в источниках, насколько мне известно, нет никаких сведений. Но дело в том, как мне представляется, что в частных отношениях между людьми, тем более в связях между мужчинами и женщинами отсутствие юридического оформления отнюдь не обязательно означало свободу обеих сторон.

О данных, на которые я опираюсь в мнении о положении наложницы, будет сказано более подробно в дальнейшем. В значительной степени я отпращиваюсь от словоупотребления, от того, что, как мне кажется, термин *παλλακή* достаточно четко отличается в наших источниках от термина *ἑταίρα*. Ясно поэтому, что я не могу согласиться с заключением Вольфа (стр. 73) о том, что «*παλλακή* было термином для обозначения любой женщины, которая жила с мужчиной, не будучи его женой» по правилам оформления гражданского брака. Рассмотрим теперь с этой терминологической стороны случай, на котором я остановилась выше.

Принимая гетеру Олимпиодора такой, как она обрисована выступающим в Dem., XLVIII, мы видим тип авантюристки, которая сначала своими чарами заставляет своего полуобезумевшего любовника купить ей свободу, может быть, у *πορνόβοσκός* типа Никереты в Dem., LIX, а затем растрачивать его состояние на украшения для нее. Но все же она введена *ἔυδον*, т. е. в дом Олимпиодора. Может быть, она действительно стала его *παλλακή*, а выступающий называет ее гетерой намеренно, в злобе, чтобы напомнить ее неприглядное прошлое? Но даже если так, это все равно не говорит об отождествлении этих двух типов, гетеры и *παλλακή*, а скорее наоборот. Вольф (Marriage Law, стр. 74), настаивая на таком отождествлении, слишком просто отвергает значение свидетельства в Dem., LIX, 122. Это — хорошо известное место, в котором оратор показывает различные назначения гетер, *παλλακαί* и жен (*γυναῖκες*). Первые, говорит он, содержатся ради наслаждения (*ἡδονῆς ἕνεκα*), вторые — для заботы о наших ежедневных нуждах, а третьи — для того, чтобы производить законных детей и хранить наше домашнее добро (ср. Pl., Leg. 805 e; Xen., Oec. III, 15; VII, 19 сл.). Вольф замечает, что «если здесь что-то говорится вообще» (а он, по-видимому, сомневается в этом), то как определение этого недостаточно и, конечно, из этого нельзя вывести «никаких юридических разграничений терминов».

Эта суровая критика (ср. Wyse, Isaeus, стр. 318 сл.), по-моему, явно не оправдана в том, что касается жены: и в юридическом отношении, и в бытовом, назначение жены определено здесь вполне адекватно, и определение это подтверждается сведениями других источников. Что же касается *ἑταίρα*

и *παλλακή*, то их назначения также достаточно разграничены в определении Аполлодора. И если их отличительные черты, замеченные оратором, носят не совсем юридический характер, то зато вполне ясно, что это разные категории.

В *παλλακή*, согласно определению Аполлодора, мы видим покорную обитательницу в доме хозяина, смиренное домашнее существо (см. также § 118). Все, что есть у нее общего с гетерой (как таковой), — это то, что ни она, ни гетера не являются законными женами, а поэтому и дети обеих не будут считаться законными (*γνήσιοι* — см. § 122). Но подобно жене *παλλακή* занимает определенное положение *ἐνδόν*, т. е. в доме, тогда как у гетеры вообще нет (или не должно быть) никакого положения «внутри». Когда о выкупленной гетере Олимпиодора говорится, что она достигла такого положения (Dem., XLVIII, 53: *ἐνδόν ἔγχεῖ*), то это утверждение выступающего следует, я думаю, рассматривать как существенную часть всей скандальной картины, которую он хочет представить, а не как указание на то, что она была введена в семейную жизнь в качестве *παλλακή*.

Наконец, это определение показывает, что не только жена и *παλλακή* занимали признанное место в обществе, но и гетера. Скандал и «оскорбительность» начинаются тогда, когда гетера слишком заметно поглощает чье-нибудь состояние, отводя его от каналов ойкоса и полиса¹⁰, или когда она сама вторгается в семейный круг. Намек на вторжение подобного рода непременно возбуждал гнев демократического суда, почему, вероятно, выступающий в Dem., XLVIII и оставил на самый конец скандальный рассказ о гетере Олимпиодора, устроившейся в его доме и покирающей его наследство, хотя это не имело прямого отношения к оспариваемым на суде вопросам. Подобное же обвинение было брошено Алкивиаду в речи, которая дошла до нас среди речей Андокида. После брака, который принес ему приданое в 20 талантов, Алкивиад, говорится в речи, наполнил свой дом гетерами, в результате чего его жена обратилась к архонту, чтобы зарегистрировать свой развод. Вместе с ней, по аттическому праву, должно было уйти ее приданое, и Алкивиад поспешил добиться ее возвращения. Автор особенно подчеркивает привод гетер в дом самих супругов: «вводя, сверх того, в тот же самый дом гетер, и рабынь и свободных» — *ἐπισάγων εἰς τὴν αὐτὴν οἰκίαν ἑταίρας, καὶ δοῦλας καὶ ἐλευθέρους*¹¹.

Гетера, выкупленная из рабства ее любовником, должно быть, как правило, продолжала связь со своим благодетелем — такую выгоду он должен был извлечь из этой сделки. Форма, которую принимала связь, и ее продолжительность зависели, надо полагать, от личных факторов и от профессионального успеха, которого она достигла до своего освобождения. Женщина, которая уже дошла до высот *μεγαλόμισθοι* («дорогостоящих» гетер — Athen., XIII, 569a), таких, как знаменитая компания Никереты из семи девушек (Dem., LIX, 18 слл.; ср. Athen., XIII, 593f), едва ли согласилась бы лишиться выгодной и относительно независимой карьеры и пойти на конкубинат. С другой стороны, те, кто, никогда не поднимаясь до известности, оставался жертвой тяжелой эксплуатации в своей профессии увеселительниц (как, например, флейтистка Филоклеона), охотно согласились бы с менее тяжелой и более обеспеченной безвестностью *παλλακία*, надеясь, что их участь будет облегчена продолжительной привязанностью сожителя. Некоторое представление о том, какова была эта участь, мы получаем из судебной речи, относящейся ко второй половине V в.

¹⁰ Этот упрек направлен на самого Аполлодора — Dem., XXXVI, 45; ср. XLVIII, 55: *ὕβριζουσαν ἐκ τῶν ἡμετέρων*.

¹¹ Andoc. IV, 14; ср. Pl., Resp., 574bc. Плутарх (Alc. VIII, 4), с более сентиментальной позиции, не замечает этой стороны, но дает интересный вариант терминов, определяющих статус, в применении к этим гетерам: *λυπούμενη ὡς ὅπ' αὐτοῦ . . . ἑταίραις ἑέναις καὶ ἀσταῖς συνόντοισι*.

подвергнута пытке прежде, чем была передана палачу (§ 20). Рассмотрим сначала второй момент.

Указанные ученые понимают под словом *τροχιθεΐσα* в § 20 ссылку на *βάσανος*, т. е. допрос под пыткой. Как уже было замечено (выше, стр. 29), этим способом для использования на суде обычно добывались показания только рабов. Правда, показания этой женщины не могли, очевидно, быть предназначены для использования в суде, так как тогда по этому делу не был возбужден судебный процесс; но рабов подвергали пыткам также просто для того, чтобы добыть сведения, безотносительно к судебному процессу вообще (см. *Antiph.*, II, γ 4; *Dem.*, XLVIII, 16—18). Кроме того, орудие пытки, примененное к этой женщине, — колесо (*τροχός*) — было обычным орудием при басаносе (см. *Antiph.*, V, 40; *Andoc.*, I, 43; *Dem.*, XXIX, 40). Жерне (ук. соч., стр. 36), не сомневаясь в том, что в рассматриваемом месте речь идет о басаносе, отчасти объясняет предполагаемым негативным результатом допроса очевидную слабость позиции выступающего: *πάλλαχῃ*, должно быть, при допросе не обвинила его мачеху в подстрекательстве к убийству. В самом деле, выступающий приводит очень краткие сведения о конечной судьбе наложницы; из них нельзя узнать, сказала ли она вообще что-то при пытке.

Если принять предположение, что слово *τροχιθεΐσα* употреблено в § 20 как синоним слова *βασανιθεΐσα*¹⁴, то довод в пользу мнения о рабском статусе этой женщины будет очень убедительным. Однако некоторые соображения делают такое толкование сомнительным. Во-первых, то, как начинается предложение о судьбе *πάλλαχῃ*: «Она получила по заслугам...» (§ 20). Создается впечатление, что то, что было сделано с ней, — и пытка и казнь — рассматривалось как наказание за поступок, который был очевидной причиной смерти двух человек, хотя, может быть, это не входило в ее намерения, как говорит выступающий. Во-вторых, если бы пытка была применена для того, чтобы установить виновность и в показании, которое она (якобы) дала под пыткой, она обвинила бы в преступлении только себя, выступающий, который теперь хочет возложить основную вину на мачеху, едва ли преминул бы, предвосхищая доводы противников, доказывать, что тогда пытка была применена неправильно (ср. например, *Antiph.*, V, 32), тем более, что он сам уже настаивал на общем принципе неопровержимости показаний при басаносе (§ 10) по поводу отказа противников подвергнуть их рабов этому испытанию. В-третьих, отсутствие не только слова *βασανίζω*, но и каких бы то ни было слов и выражений, которые обычно указывают на процесс басаноса даже тогда, когда нет основного термина (см., например, слово *ἐλέγχος* в *Dem.*, XXXIII, 17), и которые в таком обилии сопровождают основной термин в § 6—13 этой же речи «Против мачехи». В отнoшении же *πάλλαχῃ* применено в § 20 одно единственное слово *τροχιθεΐσα* и пытка ее на колесе, обозначенная столь прямым и лаконичным образом этим одним описательным словом, представлена как часть того возмездия, которое она «получила по заслугам». Как это ни звучит парадоксально, но слово *τροχίζω*, хотя оно означает именно то, что происходило при басаносе, само по себе не является специфичным указанием на него. Для этого нужен еще подходящий контекст, а здесь его нет. Есть только несколько некритически принятое, на мой взгляд, предположение ученых. Наконец, как ни остроумен был довод, построенный Жерне на предположении о басаносе, есть, по-моему, по крайней мере столько же оснований предпола-

¹⁴ Это отождествление было принято уже учеными византийских времен — см. Phot., *τροχιθεΐσα βασανιθεΐσα ἀπὸ τοῦ τροχῶ ὅπερ ἐστὶν ὄργανον βασανιστικόν*... В современной науке определение Фотия было привлечено к обсуждаемому отрывку, по-видимому, впервые В. К. Эрнштедтом в его капитальном издании Антифонта (СПб., 1880). См. также аппарат в изд. F. Blass (Lpz, 1908).

гать, что очевидность *prima facie* виновности *παλλακή* была настолько убедительной, что никто тогда не думал о необходимости доказать эту виновность, а только о наказании явно виновной стороны по всей строгости и без промедления, на чем, можно быть уверенным, никто не настаивал больше, чем мачеха.

Все замеченные выше соображения, вместе взятые, склоняют меня считать, что нужно отказаться от доказательства рабского статуса этой наложницы путем толкования слова *τροχισθεῖσα* как ссылки на басанос. Однако если и понимать это слово иначе, как ссылку на наказание, оно все равно указывает на отношение к этой женщине со стороны окружающих ее лиц, которое совместимо только с предположением об ее негражданском статусе, как это наглядно показывает совсем иное обращение с мачехой, обвиненной в том же преступлении. Но это еще не решает вопроса, была ли наложница на самом деле *ἐλευθέρα* или *δοῦλη*.

Рассмотрим теперь другое место (§ 14), которым обосновывали мнение об ее рабском статусе. Отказ от отождествления *τροχισθεῖσα* с процессом басаноса уже несколько ослабляет силу доказательства и этого места, так как само по себе то, что Филоней мог поместить наложницу в публичный дом, недостаточно специфично. Оно еще не указывает на именно рабский статус, с такой ясностью, с какой указывало бы, например, решение продать ее. С другой стороны, этот отрывок с полной ясностью показывает, насколько она зависела от доброй воли Филонея, как непрочно было ее положение в его доме. Очевидно, что его власть над ней была велика и когда смерть аннулировала ее, у этой женщины не оказалось никого, кто мог бы заступиться за нее. В этой исключительной зависимости ее от Филонея заключается одно из самых ценных свидетельств ее *de facto* рабского положения. Вопрос справедлив: какая ей польза от того, что Филоней, может быть, не имел юридического права собственности над ней? Если бы он решил продать ее полностью, то сомнительно, нашелся бы кто-нибудь, кто имел бы право протестовать против его решения; точно так же и в конце этого дела никто не выступил с требованием выяснить степени ее виновности в отравлении двух афинян, но она была сразу же уничтожена, очевидно, без какого-нибудь судебного решения¹⁵. Но если и признать, что для этой несчастной женщины, вероятно, было безразлично, каким образом возникло право Филонея распоряжаться ею так, как ему хотелось, то для историка представляет значительный интерес вопрос о том, определилось ли рыночной сделкой (или другим «нормальным» способом порабощения) то рабоподобное положение, в котором мы находим ее, или положение ее стало таким только вследствие ее вступления в конкубинат?

В рассказе об этой *παλλακή* обнаруживаются и кое-какие признаки такого отношения к ней, которое довольно трудно совместить с предположением об ее рабском статусе. В самом начале (§ 14) говорится как будто о спокойных добрососедских отношениях между двумя четами в афинском доме: «В нашем доме был верхний этаж, который занимал Филоней, когда он останавливался в городе, это был прекрасный, честный человек, друг нашего отца. У него была *παλλακή*, ... и мать моего брата подружилась с ней (*ἑποικήσατο φίλην*)». Мачеха выступающего, очевидно, состояла в законном браке с его покойным отцом, и едва ли «дружба» между ней и наложницей не была бы особо отмечена к невыгоде мачехи, если бы на эту *παλλακή* смотрели просто как на рабыню Филонея. В пользу такого вывода говорит сама логика позиции выступающего. Как замечает Жерне, он не приводит никаких существенных доказательств в виновности своей мачехи,

¹⁵ Вопрос о соответствии формы ее наказания с юридическими нормами для дел об убийстве будет рассматриваться в другой работе.

но обосновывает свое обвинение отказом его противников от требования басаноса для выяснения не относящихся непосредственно к данному делу вопросов, предсмертной торжественной волей своего отца отомстить мате-хе (см. Gernet, ук. соч., стр. 35) и вообще аргументами вероятности. Трудно представить, какое более веское *τελεῖριον* злостного заговора он мог бы выдвинуть, чем то, что обвиняемая выбрала своей соучастницей рабыню Филоней. Но, напротив, он рисует общение этих двух женщин как, с общественной точки зрения, вполне нормальные отношения между хозяйками-соседками, и о мате-хе говорит, что она склонила свою доверчивую и доведенную до отчаяния соседку к мысли поднести любовный напиток, по-товарищески признавшись ей, что она сама страдает от дурного обращения своего мужа (§ 15 сл.).

Эта краткая история не дает нам возможности узнать о том, как начались и развивались личные отношения между Филонеем и этой женщиной, но на основании его решения передать ее в публичный дом законно сделать вывод, что его чувства к ней теперь не отличались нежностью. Ее жизнь не могла быть слишком приятной у него в доме, где она стала принадлежностью, пригодность которой всегда находилась под угрозой найти ей более выгодное применение при эксплуатации ее вне дома. Но все же в доме и в кругу соседей в качестве сожительницы хозяина она имела известное положение, и она показала свою решимость удержать его единственным путем, который знала, — снова сделать Филоней своим любовником. Кроме него, у нее, несомненно, не было никого, а в нем она нашла себе *κύριος*; и хотя его исключительная власть над ней означала рабство — фактическое, если не юридическое, — она означала также обеспеченность, пищу, одежду и кров.

Я задержалась так долго на истории наложницы Филоней потому, что она представляет единственную возможность для наблюдения действительной жизни хотя бы одной *παλλαγή*. Поставленный вначале вопрос о юридическом статусе данной *παλλαγή* не получил ответа. Вероятно, на него сейчас нельзя ответить. Более того, я подозреваю, что на него не ответил бы определенно ни сам Филоней, ни кто-нибудь другой из действующих в этой трагедии лиц; если бы у кого-нибудь из них спросили частным образом, — т. е. не на суде, — *δοῦλη* ли она или *ἐλευθέρη*, он бы ответил, пожимая плечами: «Она *παλλαγή* Филоней». Таковы были фактические пределы ее мира, и для обычных целей их было достаточно, чтобы «определить» ее.

Мы не знаем происхождения этой наложницы, мы застаем ее *in situ*. Но на основании ее истории, в сочетании со случаем флейтистки Филоклеона (если я поняла его правильно), можно заключить, что положение *παλλαγή* было отнюдь не самым худшим из того, на что могла надеяться, например, даже «свободная и независимая» гетера. Одним из преимуществ конкубината могла бы быть относительная прочность условий для воспитания детей от подобного союза — в том случае, если их не подкидывали. Здесь приобретает важность вопрос о том, какой статус получали дети, но вопрос этот, к сожалению, для нас не ясен. То, что дети от той связи, которая, по моему мнению, относится к менее прочному типу, независимо от ее продолжительности, т. е. связи гражданина и гетеры, могли в какой-то мере признаваться детьми своих отцов, доказывается выражением *ἐξ ἐταίρας*, «рожденный от гетеры», которое обозначало, по-видимому, известную всем категорию, хотя трудно установить, в чем именно состояли права и ограничения для лиц, охватываемых этой категорией¹⁶. В Isae., III мы читаем о

¹⁶ См. Isae., III, 6, 24, 45, 48, 52, 55, 70 сл. и выше, прим. 5; Isae., IV, 10; Dem., LIV, 26. В IV в. признание детей *ἐξ ἐταίρας* как особой категории приписывалось законодательству Солона (Plut., Sol., XXII, 4, со ссылкой на Гераклида Понтийского). Судя по некоторым источникам, даже дети от матерей негражданского происхождения не обязательно были лишены всех прав. См., например, Isae., VI,

гетере, очевидно, гражданского происхождения, которая, если верить выступающему, вступила во внебрачную связь с гражданином, и дочь от этой связи (ἐξ ἐταίρας) была выдана замуж за гражданина посредством ἑγγύη. Как замечает Вольф, выступающий оспаривает не законность брака этой дочери, а законность ее претензий на права наследницы, т. е. то, что она была ἐπίκληρος имущества ее отца (§ 73—75; см. Wolff, Marriage Law, стр. 69). У нас нет сведений такой же достоверности относительно детей какой-нибудь определенной παλλακή. В том случае, если сплетню, уже приведенную, относительно Исократы и Лагиски принять как она есть (очень большое «если»), то перед нами хорошо известная гетера, которая, вступив в конкубинат, родила дочь, считавшуюся подходящей для брака, хотя в этом последнем отношении данное свидетельство очень неопределенно¹⁷.

Аттическое право прямо затрагивает вопрос о статусе детей от παλλακή в документе, датирующемся VII веком до н. э., но который еще приводится в IV в. (Dem., XXIII, 53, 55; Lys., I, 30 сл.). Этот документ, отрывок из закона Драконта об убийствах, как будто указывает на существование разных типов связей с наложницами в соответствии с той целью, для которой они содержались, хотя формулировка здесь несколько неопределенна. Пункт, приведенный Лисием и Демосфеном, относится к разделу закона о ненаказуемых убийствах; в частности, он освобождает от наказания убийство потерпевшей стороной прелюбодея, застигнутого с женой (ἐπὶ δάμαρτι) потерпевшего, матерью, сестрой, дочерью «или любой наложницей, которую он содержит для (рождения) свободных детей» — ἢ ἐπὶ παλλακῆ ἣν ἂν ἐπ' ἐλευθέροις παισὶν ἔχη (Dem., XXIII, 55). Г. Р. Морроу¹⁸ так передает этот текст: «Демосфен говорит о „таких наложницах, дети от которых могут иметь свободный статус“» (Demosthenes speaks of «concubines by whom free children may be had») и комментирует: «такая оговорка не понадобилась бы, если бы не существовало таких παλλακαί, дети от которых были бы рабами. Поэтому мы можем заключить, что дети от παλλακαί-рабынь были в Афинах рабами, а дети от ξένοι παλλακαί — свободными». По-моему, перевод Морроу не оправдан формулировкой текста. Придавая фразе ἣν ἂν ... ἔχη

21—28: сын Алки якобы был допущен «по особой договоренности», к правам наследства на земельный участок Евктемона — но выступающий не определяет точно типа связи между Евктемоном и Алкой, а противная сторона утверждает, что Алка (которая была во всяком случае не ἀστὴ) не мать этого мальчика; ср. и намеки на мать Аристогитона в Dem., XXV, 55, 65 (Аристогитон несомненно пользовался гражданскими правами, но эта речь отличается очень брашным характером, поэтому к указанным намекам следует относиться осторожно). Вопрос о политических правах детей от внебрачной связи гражданина и ἀστὴ много обсуждался; литературу (до 1944 г.) см. Wolff, Marriage Law, стр. 76, прим. 157 (Beiträge, прим. 147); ср. Jones, LLT, стр. 187, прим. 5. Так как я нахожу между гетерой и παλλακῆ существенное различие, то считаем, что выражение «рожденный от гетеры» относится не вообще к детям, рожденным таю, что выражение «рожденный от гетеры» относится не вообще к детям, рожденным «вне брака» (к числу которых относились бы и дети от παλλακῆ), но к детям от связи именно с гетерой.

¹⁷ Athen., XIII, 592d; Plut., Moral. 839b. Псевдо-Плутарх сообщает, что эта дочь умерла в возрасте двенадцати лет, πρὸ γάμων. Помимо сомнительной достоверности источника, эта фраза не обязательно свидетельствует о том, что она могла быть выдана замуж по ἑγγύη. В своем кратком изложении речи «В защиту Формиона» Либаний говорит об Архиппе (жене Пасиона, которую он передал по завещанию Формиону), как о «прежней его наложнице» — παλλακῆν ἑαυτοῦ γενομένην (Dem., XXXVI, arg. § 1). Однако в речах того времени, относящихся к Архиппе, этот термин никогда не применяется к ней, она известна только как жена Пасиона (см. особенно Dem., XLVI). Если утверждение Либания основано на его осведомленности, а не на простом умозаключении, оно должно относиться к тому времени, когда Пасиону и его сыновьями еще не были даны гражданские права, так как Архиппа, вероятно, достигла почетного ранга ἀστὴ именно в связи с получением ими этих прав. Ее происхождение, должно быть было не афинским (см. L. Gernet, Démosthène, Plaidoyers civils (далее — DPC), т. II, P., 1957, стр. 184, прим. 1).

¹⁸ G. R. Morrow, Plato's Law of Slavery in Its Relation to Greek Law, Urbana, Ill., 1939 (далее — PLS), стр. 92.

смысл допустимости вместо целевого, он, по-видимому, вносит в свой перевод этой фразы вывод, который делает из него, о статусе указанных *παλλακί*. Правда, другие делают такой же вывод, понимая это место так же, как это, представлено в моем переводе¹⁹. Но Морроу, переводя его, как кажется, под влиянием вывода, сделал последний скорее менее, чем более убедительным. Более того, он относит свой вывод, сделанный из пункта в драконтовском законе, прямо к социальным условиям Афин классического периода («Демосфен говорит...»). Никто, я думаю, не стал бы возражать против предположения Морроу о том, что в Аттике IV в. некоторые женщины при вступлении в конкубинат были действительно свободными (и не только *ξένοι*, но и *ἄσται*), а некоторые — рабынями (помимо материала, цитируемого выше, см. Pl., Leg. 841d). Но я не вижу основания именно в этом пункте закона об убийстве для вывода, — касается ли он VII века или IV, — что по аттическому праву дети от *παλλακί* обязательно наследовали статус своей матери.

Дж. У. Джонз, говоря о количественном преобладании купленных рабов над доморожденными или доморощенными в Афинах начиная с V в., выдвигает мнение, прямо противоположное мнению Морроу: «Рождение рабов в домах господ было ограниченным из-за института конкубината. Дело в том, что, в то время как дети от раба и рабыни были рабами, дети от господина и рабыни были свободными, так как в греческом праве нет того принципа, который есть в римском праве, считающем детей от рабыни обязательно рабами» (LLT, стр. 282). Джонз не приводит никаких источников для обоснования такого мнения; вероятно, как и Морроу, он основывается главным образом на том же пункте закона Драконта (см. Jones, LLT, стр. 187). Во вступительной статье к «Законам» Платона в издании Бюда Л. Жерне высказывает мнение, что в Греции вообще придерживались принципа *partus sequitur matrem* и что «по всей вероятности» в Аттике следовали тому же правилу; но вместе с тем он замечает, что относительно Афин «у нас нет прямых сведений для классической эпохи»²⁰.

Что касается противоположных друг другу мнений Джонза и Морроу, поскольку оба, по-видимому, основываются на пункте о *παλλακί* в законе Драконта, то, как мне кажется, мнение Джонза более обосновано хотя бы потому, что в законе ничего не говорится о статусе самой *παλλακί*. Заключение же о том, что об этом косвенно говорит указание на статус детей, опирается не столько на свидетельство этого древнего и очень лаконичного текста, сколько на предположение ряда ученых о правилах наследования рабского и свободного статуса в Аттике классического периода. Что касается возможных косвенных указаний о статусе в обсуждаемом тексте, то дело, по-моему, скорее в статусе отца, а не матери. При толковании этого, как, конечно, и любого предложения, следует, очевидно, учитывать прежде всего смысловую направленность его. В данном случае она заключается явно не в определении обстоятельств, при которых дети от союза с наложницей будут свободными, а в том, что при каких-то, здесь не определяемых, но, должно быть, в то время хорошо известных обстоятельствах союз с наложницей мог выполнять функцию, аналогичную функции брака, и поэтому он берется, наряду с брачным союзом, под покровительство пункта о не-

¹⁹ См. Lipsius, AR, стр. 480; ср. G. Busolt, Griechische Staatskunde, Münch., I, 1920; II, bearb. v. H. Swoboda (далее — GS), 1926, стр. 941 и прим. 3. Эдкинс, который цитирует этот пункт в иной связи, дает на мой взгляд, точнейший перевод его: «...or with a concubine, if one is maintaining her with a view to begetting freeborn children». Но только точнее было бы вместо «freeborn» перевести просто «free». См. A. W. H. Adkins, Merit and Responsibility. A Study in Greek Values, Oxf., 1960, стр. 99.

²⁰ L. Gernet, Les «Lois» et le droit positif, Platon. Oeuvres complètes, т. XI, I, P. 1951, стр. CXX; ср. Morrow, PLS, стр. 90 сл.

наказуемости убийства прелюбодея. По вопросу о том, каковы именно были обстоятельства в архаической Аттике, которые могли приравнивать союз с наложницей к законному браку (так же как и о том, что такое в то время был «законный брак»), можно только строить догадки, например: определялись ли они отсутствием детей от *δάμαρ*, достаточно ли было одностороннего заявления о намерении содержать *παλλαγή* в целях рождения «свободных» детей или же требовалось какое-то юридическое оформление этого намерения? Слово «свободных» я поставила в кавычках, потому что перед нами еще стоит вопрос о значении термина *ἐλεύθερος* в этом документе в применении к детям от союза с *παλλαγή*.

Согласно традиции, аттический закон об убийстве оставался неизменным со времен Драконта²¹. Однако даже если верить этой традиции в отношении содержания закона, нельзя быть уверенным, в какой степени сохранилось первоначальное словесное оформление к IV в., когда интересующий нас пункт приводился ораторами. Что касается отдельных слов, отметим, что слово *δάμαρ* «жена», которое появляется в этом пункте, приведенном и Лисием и Демосфеном, не употребляется в классической аттической прозе, где мы постоянно встречаем в этом значении слово *γυνή* или более уточняющие *ἐγγυητή* и *γαμετή*. Слово *δάμαρ* встречается также в соловневских законах, приводимых в IV в., например, в Dem., XLVI, 18²². И Лисий, приведя закон Драконта, сразу же переводит выражение *ἐπὶ δάμαρτι* как *ἐπὶ ταῖς γαμεταῖς γυναξί* (I, 30 сл.). Возможно, что и другие отдельные слова рассматриваемого текста сохранились от архаической редакции, в том числе и слово *ἐλεύθερος*. Если это так, то архаичность в этом случае могла быть, разумеется, только в значении слова. Во времена Драконта слово *ἐλεύθερος*, как статусное обозначение, едва ли могло полностью соответствовать употреблению его в IV в., когда институт рабства уже фактически превратил понятие «свободный» в простой антоним понятия «раб». Для афинян же времен Драконта, когда еще не было рабства классического типа, а совсем мало было в Аттике свободных чужеземцев, не было, должно быть, и ясно дифференцированного понятия «гражданин» в отличие от понятия «свободный».

Даже в IV в. в таком контексте, где речь идет о гражданских правах, мы встречаем иногда слово *ἐλεύθερος* там, где, по-видимому, скорее имеется в виду понятие «гражданского происхождения», чем «свободного статуса» в отличие от рабского. А. У. Гомм, разбирая отрывок из Аристотелевой «Афинской политики», касающийся решения о включении кандидатов в список дема, говорит о «неточном» и «точном» значениях слова *ἐλεύθερος*, имея в виду под «точным» то значение, в котором оно чаще всего встречается в IV в. Он сомневается в том, что это слово могло быть употреблено в «неточном» значении при изложении юридических норм, имея в виду мнение Дж. Э. Сандза и других о том, что *ἐλεύθερος* здесь эквивалентно «гражданского происхождения»²³. Но то, что Сандз уловил в этом отрывке, было,

²¹ См., например, Antiph., V, 14 = VI, 2; ср. Dem., XX, 158; Lipsius. AR, стр. 601; ср. M. N. Tod, A Selection of Greek Historical Inscriptions, m. I, Oxf. 1946, № 87 и комментарий на стр. 216; C. Hignett, A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C., Oxf., 1952, стр. 305 сл.; D. M. MacDowell, Athenian Homicide Law in the Age of the Orators, Manch., 1963, стр. 5—7. Свидетельства о продолжающемся действии закона есть еще в стихах комедиографа IV в. Ксенарха (frg. 4K = Athen. XIII, 569 cd.).

²² См. Wolff, Marriage Law, стр. 89, прим. 215 — в Beiträge прим. 198.

²³ См. Arist., Ath. pol. XLII, 1 («демоты решают голосованием...», *ἐλεύθερος* ли он и законного ли рождения) и комментарий Сандза к этому месту (J. E. Sandys, Aristotle's Constitution of Athens, L., 1912, стр. 161; ср. W. L. Newman. The Politics of Aristotle, Oxf., 1887, т. I, стр. 248, прим. 1) со ссылкой по поводу аналогичного употребления слова *ἐλεύθερος* на Arist., Pol. 1291b, 26; 1290b (см. также Aeschyl., III, 169; Dem., LVII, 36, 69 и комментарий Жерне к § 69 в DPC,

я думаю, не неточным, а скорее архаическим употреблением слова. В законе об убийстве это слово, возможно, имеет такое же архаическое значение, т. е. обозначенные им дети были «свободными» в том смысле, что, не будучи бесправными (т. е. рабами, так как чужеземцев фактически не было), они в какой-то степени или полностью наследовали общинные права своего отца; отсюда и заинтересованность общины в обеспечении чистоты отцовской линии в родословной таких детей. Мысль эта вообще не новая; однако, насколько мне известно, она в прошлом возникала и рассматривалась преимущественно, если не исключительно, в связи с будто бы обязательным обозначением фразой ἐπὶ ἐλευθέροις πατρὶνι статусу не только детей, но и матери²⁴.

То обстоятельство, что драконтовский закон об убийстве оставался в силе и интересующая нас статья приводится ораторами как действующий закон, не следует, я думаю, принимать как доказательство сохранения в полной силе в IV в. того отношения к конкубинату, которое в ней отражено. Против этого говорит, во-первых, «функциональные» определения жены и наложницы в Dem., LIX., 122 (ср. § 118) и, во-вторых, то изумление (преувеличенное, несомненно, в риторических целях, но, очевидно, имеющее реальную почву), с каким Лисий комментирует статью о прелюбодее. Приведя эту статью, чтобы показать, что она освобождает от наказания мужа, убившего прелюбодея, застигнутого с его женой, Лисий замечает: «законодатель придавал такое серьезное значение справедливости этого в отношении законных жен, что он распространил это даже на наложниц, которые ценятся ниже» (I, 31). Точно в таком же тоне ораторы IV в. (Демосфен, Эсхин, Гиперид, а также, по-видимому, Ликург — см. Athen. VI, 267a) ссылаются на защиту, предоставляемую «даже рабам» законом против ὄβρις, хотя в практике того времени этот приводящий в такое изумление пункт в законе, по-видимому, не соблюдался строго (см. Dem., LIII, 16). К включению παλλακαί и рабов под покровительство этих законов ораторы относятся как к какому-то юридическому парадоксу, преднамеренному «преувеличению» (Dem., XXI, 46) со стороны законодателя, для того чтобы прочно внедрить в сознание определенный правовой или моральный принцип, а конечно, не из-за «серьезной заботы о рабах» (Aeschin., I, 17) или (добавляю я) о чистоте родословной потомства от наложниц. Историческое объяснение этому явлению можно, вероятно, найти в том, что при создании этих законов на наложниц и рабов смотрели иначе, более по-семейному, чем в IV в., когда они превратились, в разной степени, в принадлежность хозяйства. Что касается наложниц, об этом же говорит, я думаю, и отсутствие упоминания о παλλακῆ наряду с женой (γαμετῆ γυνή) в аналогичном пункте платоновского закона об убийстве (Pl., Leg. 874c).

Когда юридический текст, возникший в одних социальных условиях, сохранен только в передаче другого, хотя генетически и связанного с пер-

т. IV, 1960, стр. 34, прим. 2); W y s e, Isaeus, стр. 284; A. W. G o m m e, Essays in Greek History and Literature, Oxf., 1937, стр. 75 слл. Значение отрывка из Ath. pol. много дискутировалось — см. J o n e s, LLT, стр. 187, прим. 5.
²⁴ См., например, W y s e, Isaeus, стр. 319; L i p s i u s AR, стр. 480; B u s o l t — S w o b o d a, GS, стр. 941, прим. 3; ср. L. B e a u c h e t, Histoire du droit privé de la république athénienne, P., 1897, т. II, стр. 407 слл. В замечаниях Геродота об обычаях ликийцев, которые, по-видимому, к середине V в. сохранили следы матриархального семейного права, можно видеть отражение греческих порядков раннеклассического времени и, возможно, поздней архаики, — во всяком случае, что касается Аттики доперикловских времен. У ликийцев, согласно Геродоту, по сравнению с остальным миром, все наизнанку: они зовутся по матери, а не по отцу, и у них дети от матери-ἄστῆ полноправны (γεννάια), какого бы статуса ни был их отец, между тем, как дети чужеземки или παλλακῆ у них бесправны (ἄτιμα), даже если отец — ἄστρος и видный деятель (H e r o d., I, 173, 4—5).

вым периода, и когда, к тому же, этот текст является главным свидетельством для того или другого периода об институте, который он упоминает, нелегко, я полагаю, любому исследователю, пытающемуся оценить его значение для одного или другого из этих периодов, избежать порока *retitio principii*. Вполне сознавая, что мне грозит опасность обвинения в такого же рода окольных рассуждениях, тем не менее я осмеливаюсь высказать свое мнение о применимости к условиям IV в. этого важного и много обсуждавшегося свидетельства из закона Драконта. Этот пункт, оправдывающий убийство прелюбодея, застигнутого с наложницей, содержимой для цели, которая (если мое понимание слова *ἐλευθέρως* правильно) очень похожа на ту, для какой в Афинах классического времени содержалась только жена, явно возник в доперикловское время, до того как человек, претендовавший на гражданские права, должен был доказать афинское происхождение от обоих родителей. То, что он говорит о статусе детей от наложницы, не может, следовательно, осветить проблемы их статуса в IV в. и не помогает нам совсем в попытках выяснить статус самих *παλλακαί*. Правда, содержащийся в нем намек на то, что в некоторых обстоятельствах союзы с наложницами находили какое-то общественное признание, как будто отражен в отрывке из Исея (III, 39, см. ниже). Однако договорные соглашения, на которые ссылается выступающий в этом отрывке, носили сугубо частный характер и, по-видимому, не влекли за собой таких юридических последствий.

Если пункт, приведенный Демосфеном из закона Драконта, является и по словарю и по существу документом доклассического периода, тогда у нас фактически нет прямого свидетельства о положении детей гражданина от наложницы в развитой классической период. Главное затруднение состоит в недостатке ясных несомненных сведений о самой *παλλακία*. Как я старалась показать, это затруднение не может быть удовлетворительно преодолено простым предположением, что каждая гетера, которую мы находим живущей более или менее постоянно с одним человеком, является наложницей и что поэтому можно отождествлять детей, рожденных *ἐξ ἐταίρας*, с детьми, рожденными в конкубинате (см. выше, прим. 16). Тем не менее кое-что может быть все-таки извлечено из того различия, которое проводит Аполлодор между наложницей и законной женой (Dem., LIX, 122, ср. 118). Оно позволяет заключить, что в отличие от детей, рожденных в союзе по *ἐγγύη*, сыновья, рожденные в конкубинате, не могли быть законно введены во фратрию и дем отца, а дочери не могли вступать в законный брак с гражданином. Иными словами, дети от такого союза не наследовали ни гражданских, ни семейных прав отца.

Таков вывод, который можно сделать из определений Аполлодора. Он неудовлетворителен в двух отношениях. Во-первых, он чисто негативен: из этих отрывков неясно, имели ли дети, рожденные в конкубинате, какие-то другие права. Во-вторых, хотя в обоих указанных местах Аполлодор говорит будто бы о разнице между женой и наложницей как таковой, т. е. независимо от личного статуса последней, и тем самым дает некоторую поддержку моей гипотезе о том, что положение *παλλακί* рассматривалось само по себе как своего рода статус, — нельзя быть уверенным в том, что на эти определения не влияло конкретное обстоятельство. Как замечает Вольф (*Marriage Law*, стр. 74), Аполлодор приводит эти определения, тенденциозно применяя их к делу Нееры с целью подорвать ее правовое положение. Так как он отрицает, например, что Неера была свободной во время ее союза со Стефаном, мы не можем исключить возможность того, что если бы он утверждал, наоборот, что она в это время все еще была рабыней, он мог бы добавить в § 118 указание об унаследовании детьми рабского статуса матери. Тем самым представилось бы недостававшее обосно-

вание для мнения Жерне о том, что аттическое право следовало принципу *partus sequitur matrem*. Не влияло ли на его определения то, что, согласно самому Аполлодору, Неера была именно свободной чужеземкой? Такую возможность нельзя, очевидно, абсолютно исключить. При всем этом, однако, как мне кажется, та обобщенная форма, в которой представлены дефиниции Аполлодора (особенно в § 122), оставляет нам некоторое основание предположить, что дети от союза с *παλλαγή* имели кое-какие права, независимо от статуса матери при вступлении в конкубинат.

Непосредственно о положении детей Нееры говорится в конце этой заключительной части речи, в которой Аполлодор опровергает предвосхищаемые им доводы защиты (§ 118—125). Противная сторона должна была показать, что Неера не нарушила закона, запрещающего чужеземке жить в качестве жены, т. е. *συνοικεῖν*, с гражданином. Прибегая к известному ораторскому приему (ср. *Lys.*, XIII, 49 слл.), Аполлодор выдвигает и опровергает ряд аргументов, начиная с наиболее уязвимого (см. выше, стр. 35), так что, когда он дойдет до наиболее вероятного довода защиты, судьи будут уже заранее расположены к тому, чтобы отвергнуть и этот довод вслед за другими. Признавая это за прием, мы можем лучше понять, почему Аполлодор останавливается так коротко (к несчастью для нас) на возможном доводе, что Стефан содержал Нееру не как жену, а как наложницу. Довод, которого он действительно ожидает, это третий и последний, а именно, что Неера содержалась как гетера и что дети, к которым Стефан относился так, будто это были его законные дети, были детьми не Нееры, но его детьми от прежнего законного брака с *ἄστυ* (§ 119, ср. § 51). Против этого довода Аполлодор направляет свое самое тяжелое оружие: вызов на бапанос, который противник отклонил. В § 124 приводится текст вызова, в котором дано и условное определение статуса детей. Если бы рабыни Нееры показали под пыткой, что это дети Нееры, тогда сама Неера должна была быть продана в рабство в наказание за нарушение закона, приведенного в § 16 сл., а ее дети должны были быть *ξένοι*.

Текст этого документа, очевидно, испорчен в нескольких отношениях. Но фраза *καὶ τοὺς παῖδας ξένους εἶναι* представляет собой, вероятно, то, что решил бы суд по этому делу в случае осуждения им Нееры. Дети гетеры-чужеземки едва ли могли быть определены²⁵ иначе. Так поступали с теми, которые были исключены из дема при *διαφύφισις* (*Dem.*, LVII, arg. § 1; ср. *Arist.*, *Ath. pol.* XLII, I., *Isae.*, XII, arg.), так и Аполлодор определяет подлинный статус дочери Нееры в § 73 нашей речи.

Как мне представляется, положение детей гражданина от *παλλαγή* не могло быть, во всяком случае, хуже этого, каково бы ни было происхождение их матери. Трудно себе представить, чтобы дети, рожденные в гражданском ойкосе в условиях такого полубрачного и, что касается женщины, должно быть, моногамного союза, считались даже чужеземцами, а тем более — рабами. Ведь человек, исключенный из дема на том основании, что мать была рабыней, оставался, по-видимому, со свободным статусом, хотя лишался гражданских прав (см. *Dem.*, LVII, arg. и ср. § 34, 45 речи). В общем, несмотря на то, что прямых свидетельств этому нет, я склоняюсь к мнению Джонза, что дети от союза между гражданином и *παλλαγή* рассматривались во всяком случае как свободные, *ἐλεύθεροι*, даже если мать вступила в конкубинат, имея рабский статус, — т. е., что свободное положение отца наследовалось детьми от такого союза, хотя его более специфические права члена общины уже не наследовались так, как преж-

²⁵ Ср. *Isae.*, IV, 10, где, однако, известно, что отец — гражданин. С детьми Нееры по отцовской линии дело обстоит совсем неопределенно, так как Аполлодор не раз указывает, что отцом этих детей Стефан не был (см. § 13, 38, 42, 50 сл., 72, 79, 82, 84).

де, если я правильно поняла пункт о *παλλαχί* в законе Драконта. Иными словами, я думаю, что слово *ἐλευθέρως*, примененное в этом пункте к детям *παλλαχί*, применялось, хотя в другом значении, также к детям *παλλαχί* в IV в. Следует помнить, что не этот аспект пункта приводил в изумление Лисия (I, 31).

Анализ рассказа о наложнице Филоней в первой речи Антифонта, показавший положение этой женщины, в некоторых отношениях с трудом отличаемое от рабства, обнаружил также слабые следы того, что можно назвать респектабельностью семейного института. Это, может быть, все, что осталось от почтенной роли *συγγενήτων τέκνων* (Pl., Leg. 874c), на которую как будто указывает статья о прелюбодеянии в законе Драконта. Как уже было замечено, в полемической и сатирической литературе классического периода слово *παλλαχί* в отличие от *πόρνη* и *ἑταίρα* не имеет отрицательного или «скандального» оттенка. В этой связи можно отметить и то, что в отличие от тех же двух слов термин *παλλαχί*, насколько мне известно, не появляется в противопоставлении термину *ἐλευθέρως*. Противопоставление *ἐλευθέρως* словам *πόρνη* и *ἑταίρα* встречается довольно часто и представляет собой не действительное правовое различие, но распространенное мнение о «рабском» характере обозначенной этими терминами профессии (явление, которое будет рассматриваться в другой работе). Положение наложницы было, по-видимому, предохранено от такого рода злословия, так же как она была изолирована от всех связей, кроме той одной, которая теперь уже определяла ее положение.

По общим соображениям представляется вероятным, что в большинстве случаев в конкубинат были взяты или выкупленные из рабства гетеры, о чем говорит Aristoph., *Vesp.* 1353 (а также, вероятно, и свободные гетеры, но из менее удававшихся по своей профессии), или рабыни, выбранные господином для этой цели из собственных домашних рабынь (см. выше, прим. 12). Есть, однако, свидетельство о том, что в конкубинат передавали иногда своих родственниц граждане, которые по той или иной причине — например, из-за бедности или поражения в гражданских правах (см. Dem., XL, 22; LIX, 8) — не могли устроить им брак по *ἐγγύη*. Об этом, как о совсем обычной практике, свидетельствует отрывок в речи Исея «О наследстве Пирра». С целью подкрепить свои доводы (§ 28 слл.), касающиеся значения договора о размерах приданого при заключении законного брака, выступающий замечает, что «даже те, кто отдает своих женщин в конкубинат, всегда заключают заранее соглашение о том, что будет дано наложницам» — *καὶ οἱ ἐπὶ παλλαχίᾳ δίδόντες τὰς ἑαυτῶν πάντες πρότερον διομολογοῦνται περὶ τῶν δοθησομένων ταῖς παλλαχαῖς* (Isae., III, 39). Хотя он не указывает точно, что это за люди, которые заключают подобные соглашения, но сам факт, что он не указывает точно, причем в контексте, ограниченном вопросами семейного права граждан, говорит за то, что они, — во всяком случае, *οἱ δίδόντες*, о которых, собственно, речь идет, — граждане; такое предположение общепринято²⁶.

Оставляет место для сомнений в толковании этого текста выражение *τὰς ἑαυτῶν*, которое, если свести толкование до минимума, означает «своих

²⁶ См. Lipsius, AR, стр. 480; Busolt — Swoboda, GS, стр. 941 сл.; W y s e, Isaeus, стр. 319 сл.; P. R o u s s e l, Isée, Discours, P., 1960, стр. 61, прим. 1; W o l f f, Marriage Law, стр. 70; ср., однако, В e a u c h e t, ук. соч., т. 1, стр. 100 слл. Возможно, я полагаю, что один из договаривающихся мужчина, который берет женщину в качестве своей наложницы, был метеком. С точки зрения аттического права договор посредством *ἐγγύη*, который был доступен, как правило, только гражданам (см. Lipsius, AR, стр. 417 сл.), был единственным законным браком; брачные союзы, заключаемые свободными негражданами, с этой точки зрения рассматривались, вероятно, как союзы типа конкубината (ср. текст Либания, цитированный выше, прим. 17).

женщин». Как заметил Уайз, это выражение «неопределенное» (Wyse, Isaeus, стр. 318). Однако риторическое построение той части предложения, где оно стоит, никак не выделяет его, поскольку здесь главным образом подчеркивается выражение ἐπὶ παλλακίᾳ «в конкубинат». Противопоставление оратором не женщин, которых отдают, а целей, с которыми их отдают, позволяет нам считать, что τὰς ἑαυτῶν «свои женщины» относятся к той же категории, что и женщины, которых выдают замуж законным браком, т. е. что они родственницы выдающего. Но хотя риторическое и логическое построения этого отрывка говорят в пользу перевода τὰς ἑαυτῶν как «родственниц», это не обязательно означает, что на практике эти две категории были всегда идентичными, т. е. что граждане отдавали в конкубинат только законнорожденных родственниц. Независимо от данного греческого текста, который в сущности ничем не подкрепляет такого предположения, можно полагать, что этот вид конкубината «посредством контракта» был удобным способом устроить дочь от наложницы.

Ссылаясь на обычный порядок в устройстве подобных союзов, выступающий в Isae., III думает только усилить свой главный довод, что, вероятно, никто не станет устраивать для своей родственницы вполне законный брак без гарантии в виде предварительного договора о приданом. Таким случайным путем мы узнаем о существовании второй, стоящей явно намного ниже формы брака (т. е. конкубината), достигнутой для дочери гражданина и, как правило, сопровождающейся договором, обеспечивающим женщину определенным материальным положением²⁷. Что ничего подобного προίξ (приданому) при этом не было, кажется априорно вероятным из-за характера союза, а кроме того, на это намекает словоупотребление данного отрывка, где говорится τῶν δοθησομένου ταῖς παλλακαῖς, между тем как приданое дается, как обычно говорят, не женщине, для которой устроен брак, а «при ней» — ἐπὶ τῇ γυναικί (букв. «на ней») ²⁸ — для передачи, в конечном итоге, ее детям, что и соответствует подлинному назначению приданого при афинском браке. Если я права в моем предположении о том, что под тем, «что будет дано» наложнице, имелось в виду содержание ее в доме ее нового de facto κύριος, то можно сделать дальнейший вывод о том, что содержание должен был обеспечить не родственник, который выдавал ее (как это было при браке посредством ἐγγύη, когда родственники давали προίξ), а тот, кто брал ее в качестве παλλακίᾳ. То, что этот дальнейший вывод немного портит приводимую выступающим аналогию с προίξ, не должно смущать нас. Судебный оратор в пылу полемики не всегда заботился о безупречности своей логики или даже своих правовых сведений (см. Gernet, Notice k, Dem., XLVI в DPC, т. II).

С точки зрения родственника, отдающего женщину в παλλακία, эта сделка ему ничего не сулила. Он делал то, что мог, чтобы ей было обеспечено сносное содержание (она была все же его родственницей), уже кроме этого не интересовался ее судьбой, так как его ойкос не получит ничего от ее вступления в конкубинат. Здесь не может быть никакого реального сравнения с теми целями, для которых заключался законный брак, и было бы удивительно, если бы тот вид соглашения, о котором упоминается в Isae., III, 39, был заключен по образцу соглашений о приданом. Когда выдавали замуж посредством ἐγγύη, ни приданое, передаваемое мужу, ни женщина,

²⁷ Общие соображения, касающиеся интересов обеих сторон, склоняют меня к предположению о том, что в этом и заключается смысл τὰ δοθησομένα, хотя это слово равным образом допускает смысл одновременной отдачи. Другое мнение об этом и вообще о положении παλλακαῖ ἀσταί см. Wyse, Isaeus, стр. 318—320.

²⁸ См. в этой же речи § 28, 36; ср., например, Isae., II, 5; VIII, 9. В обозначении приданого часто встречается и выражение ἐπιδοῦναι (приданое) τῇ γυναικί (например, Isae., II, 5; III, 51; Lyse., XVI, 10; XIX, 17; XXXII, 6; Dem., XLIII, 54), что в сущности эквивалентно δοῦναι ἐπὶ τῇ γυναικί.

«при» которой оно передавалось, не были полностью и безоговорочно отчуждаемы от того ойкоса, откуда они передавались. Женщина и приданое подлежали при известных обстоятельствах (например при разводе) возвращению в ее отцовский ойкос. Это, в добавление к тому, что ее род пользовался, хотя и отдаленно, правами наследования имуществом ее детей (Isae., XI, 1 сл.; Dem., XLIII, 51), означало, что законная жена оставалась связанной с домом своего отца известными, определяющими статус нитями.

Весь социальный смысл того, что на подобную договоренность с ее тщательной охраной не столько жены, сколько политических, имущественных и семейных интересов ее мужской родни, имела право только та привилегированная группа, которой был доступен законный брак, заключается в отсутствии подобных интересов в любом брачном союзе, кроме союза по ἐγγύη. Поэтому допустимо, я думаю, сделать вывод о том, что при конкубинате, даже сопровождаемом договором о содержании, не предусматривалось никаких семейных связей в будущем между договаривающимися сторонами. Отец женщины (или другой родственник) полностью отдавал ее тому, кто брал ее в качестве своей наложницы. Последний, в свою очередь, брал на себя ее содержание на таком материальном уровне, на который согласился отдавший ее. Так как договаривающиеся стороны теперь связывала только тонкая нить договора о содержании, то право *κύριος* — по Вольфу, «the power of disposition», «Verfügungsmacht» —, которым пользовался тот, кто брал *παλλαγή*, было, должно быть, в отличие от права *κύριος*, которым пользовался муж над законной женой, фактически постоянным и неограниченным²⁹, т. е. таким же, как и право владельца над рабом.

Здесь была, конечно, разница, даже при de jure рабском статусе женщины. Ее близкие отношения с человеком, который, выделив ее для такой роли, содержал ее бывало, «особо, так, как приличествует свободной женщине» (см. выше, прим. 12), должны были ставить ее выше других его рабов в мнении его домашних и его более широкого круга знакомых. В этом круге ее знают теперь уже не как рабыню такого-то, а как его *παλλαγή*. С течением времени теперь уже не как рабыню такого-то, а как его злопамятной жены (как ее не мени, особенно если в данном доме нет рядом злопамятной жены (как ее не было, кстати, в доме Теофема — см. Dem., XLVII, 38), ускользает из сознания окружающих и четкое представление о статусе этой женщины de jure. То же самое можно отнести и к женщине, пришедшей к конкубинату из свободных (или же выкупленных на свободу для этой цели) чужеземок, а также и такой, которая была передана в конкубинат своим родственником-гражданином, как в Isae. III, 39. В последнем случае отличие в том, что, вступив в *παλλαγία* и тем самым оторвавшись от всего, что связывало ее с гражданской родней, она пошла определенно вниз по социальной лестнице. Но в сущности для юридического статуса результат вступления в конкубинат был, я думаю, во всех этих случаях таким же: статус постепенно исчезал бы из виду, теряя ясность из-за полурабского, полусупружеского характера личных отношений женщины с одним человеком.

Утрата ясности в юридическом статусе *παλλαγή* могла оставаться незамеченной. Если, однако, по каким-нибудь причинам кто-то из внешнего мира словом или действием поднял бы вопрос об ее статусе, то не нашлось бы уже никого, кто был бы полномочен ответить за нее, кроме того же одного человека, и его ответ мог бы быть неопределенным, таким, какой поного человека, и его ответ мог бы быть неопределенным, таким, какой по казалась нам реакция Теофема, когда он «стал отнимать» у «уводившего» ту

²⁹ Об ограниченном характере права *κύριος*, которым пользовался муж в отношении жены и приданого, см. Wolff, Marriage Law, стр. 63 (Beiträge, стр. 187). Договор между двумя сторонами по вопросу о том, «что будет дано» наложнице, связывал их в том смысле, что, как и при любом другом добровольном соглашении, связывал их в том смысле, что, как и при любом другом добровольном соглашении, нарушение его подлежало судебному рассмотрению — см. Dem., надо полагать, нарушение его подлежало судебному рассмотрению — см. Dem., XLVII, 77; ср. XLII, 12; XLVIII, 54; LVI, 2; Н у р е г і d., с. Athenog. 13; P l., Conv. 196 с; см. F. Pringsheim, The Greek Law of Sale, Weimar, 1950, стр. 34 слл.

женщину, с рассмотрения статуса которой началось данное исследование. Что же можно сказать об этой женщине, которую готовы были захватить в качестве залога и подвергнуть допросу под пыткой, о которой так часто упоминается в речи, но, однако, ни разу не называют при этом рабыней, а Теофема — ее господином? Рабыней ли она вошла в его дом или свободной? Ее положение в этом доме теперь, очевидно, во многом существенном было рабским. Но такое положение могло сложиться не обычным, юридически, признанным путем, а просто в результате утверждения женщины в афинском ойкосе, с главой которого она не имела никаких тех связей законного родства или брака, которые женщинам придавали — косвенно, но ясно, подобно тому, как солнце освещает луну, — гражданский статус (*ἄστυ*) — и без которых даже ее свободный статус (*ἐλευθέρα*) должен был терять ясность очертаний. Итак, на заданный выше вопрос придется ответить уклончиво, употребляя слово самого выступающего в этой речи: Теофем, во всяком случае, был ее *κύριος*.

Несомненную же *παλλαγή* в городской квартире Филонея приходится оставить в неопределяемом *de jure* положении. Она, как мне кажется, могла прийти к Филонею из любой социальной группы, которые перечислены на стр. 39. Но раз она утвердилась в его доме в качестве *παλλαγή*, Филоней стал по отношению к ней во всем существенном полновластным распорядителем, хотя в речи «Против мачехи» он не назван ни ее *δεσπότης*, ни ее *κύριος* и, может быть, формально говоря, не был ни тем, ни другим.

CONCUBINES IN CLASSICAL ATHENS

by E. Grace (Kazakevich)

Ransoming a favourite hetaera from slavery was evidently a not uncommon extravagance among well-off Athenian young men (Antiphan., frg. 239 K; Dem. XXXVI, 45; XLVIII, 53), and this was one source of concubinage (Aristoph., Vesp. 1353 and indirectly, Dem. LIX, 118). A man might choose a concubine (*παλλαγή*) from among his own slaves (Men., frg. 453 Körte; cf. frgs. 371, 58). A citizen might even bestow a female relative in concubinage (Isae. III, 39). Thus a woman defined as a *pallakē* might have come to that condition from any of the status groups which marked off the population of Athens. The institution appears to have been characterised by a protected domesticity and anonymity which discouraged both the good-humoured and the malevolent sorts of gossip attaching to hetaerae; but this also makes the modern investigator's task a particularly difficult one. That H. J. Wolff (and others before him, e. g. Wyse) is wrong in supposing that the *pallakē* was merely a variety of hetaera is indicated plainly enough by one of the sources cited by Wolff to prove his theory (Dem. LIX, 118; cf. 122), while the other two sources give no support to his view (Athen. XIII, 592d, Isae. III, 39). The fullest picture we have of a *pallakē*'s life (Antiph. I, 14—20) reveals certain conjugal features in this relationship, but, in contrast to a legal wife's position, the concubine's absolute dependence on the *de facto* kurial authority of her partner made her position, by contemporary standards, virtually a servile one. The actual legal status of Philoneos's concubine cannot be determined with any certainty; the grounds hitherto advanced for defining her as a slave prove insufficient on analysis. It is doubtful whether her *de jure* condition upon entering the *pallakia* — free or slave, foreigner or even citizen's daughter — retained practical significance once her actual condition had been socially defined by the closed circuit of the concubinary relationship. There is no direct evidence on the status assigned to children born of a concubinary union in the classical period. Draconian legislation cited by fourth century orators (Dem. XXIII, 53, 55; Lys. I, 30 f.) suggests that in archaic Attica the concubinary union might fulfil one function which was later reserved exclusively to legal marriage: the begetting of legitimate children. Various considerations incline the author to the opinion that in the classical period children born to a citizen and his *pallake* were classed as *ἐλευσθηροί*, whether their mother had entered the *pallakia* with free or slave status.

Г. А. Кошеленко
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
РАННЕЙ ПАРФИИ*

ПРОБЛЕМЕ возникновения парфянского государства уже посвящена весьма значительная литература, однако ее все еще нельзя считать решенной. Дискуссионными остаются не только многие важнейшие стороны этой проблемы (характер отпадения от Селевкидов — насильственный или мирный, роль греков в нем, взаимоотношения с Бактрией, роль кочевников, характер раннепарфянского государства и т. д.), но даже дата отпадения Парфии от Селевкидов все еще не может считаться твердо установленной.

Однако до сих пор для решения всех этих вопросов недостаточно использовался нумизматический материал, хотя значение его нельзя недооценивать. Сейчас появилась возможность привлечь данные нумизматики: недавно Ж. Ле Риде¹, издавая парфянские монеты Суз, специально собрал и опубликовал входящие в самую раннюю парфянскую монетную серию монеты как из раскопок Суз, так и хранящиеся в различных западных музеях. К сожалению, в его работе остались неучтенными монеты этой серии из собрания Государственного Эрмитажа (опубликованные в свое время А. К. Марковым²) и из собраний ГМИИ и ГИМ. В результате картина, нарисованная Ле Риде, недостаточно точна. Изучая монеты этой интересной серии, хранящиеся в ГМИИ и ГИМ (см. Приложение), и имея в своем распоряжении издание Ле Риде, мы пришли к некоторым выводам, расходящимся с взглядами Ле Риде.

Данная статья не претендует на то, чтобы решать все проблемы изучения раннепарфянского государства. Задача ее гораздо более скромная: показать, что решение некоторых проблем возникновения и ранней истории государства Аршакидов можно искать, только сочетая данные нумизматики и сведения иных источников — путь, который в области парфянской истории до сих пор игнорировался. Исследования историков и нумизматов нередко велись без взаимной связи, в силу чего выводы, к которым они приходили, оказывались весьма далеки друг от друга.

При всей дискуссионности вопроса о раннепарфянском чекане, по-видимому, не вызывает сомнений, что самой ранней серией аршакидских

* Автор считает своим приятным долгом искренне поблагодарить сотрудников нумизматических отделов ГИМ и ГМИИ С. Я. Янину, Н. А. Фролову, К. В. Голенко и М. И. Камера за помощь в работе и разрешение опубликовать монеты из коллекций этих музеев.

¹ G. Le Rider, *Suse sous les Séleucides et les Parthes. Les trouvailles monétaires et l'histoire de la ville*, P., 1965.

² А. К. Марков, *Неизданные аршакидские монеты*, СПб., 1892.